

**Виктор
Коган-Ясный**

ОППОЗИЦИЯ И АВТОРИТАРИЗМ: между 1988 и 2013

РОДП «ЯБЛОКО»

В. В. Коган-Ясный

ОППОЗИЦИЯ И АВТОРИТАРИЗМ: между 1988 и 2013

О СИСТЕМЕ И ОППОЗИЦИИ 25 ЛЕТ НАЗАД И ТЕПЕРЬ,
А ТАКЖЕ ПОПЫТКА БРОСИТЬ ВЗГЛЯД НА ПЕРСПЕКТИВУ

*РОДП «ЯБЛОКО»
Москва 2013*

*Памяти Владимира Воронежцева (1982-2013),
председателя Чаплыгинского районного отделения
Липецкой областной организации
РОДП «ЯБЛОКО»*

Заказчик: Политическая партия «Российская объединенная демократическая партия «ЯБЛОКО»,
ИНН 7704240040, г. Москва, 119017, ул. Пятницкая, 31/2
Изготовитель: ИП Скороходов Валентин Аркадьевич, ИНН 772002041680, адрес: г. Москва.
Тираж 500 экземпляров, дата выпуска 04.09.2013

Никита Алексеевич Струве несколько лет назад заметил, что, что бы ни было, общественное сознание постсоветской России неминуемо должно состоять из трех компонент: той, что унаследована от Российской империи, той, что «выросла» в СССР, и той, что заимствована с Запада, прежде всего из США. «Больше ничего нет», – добавлял он. С таким взглядом еще совсем недавно трудно было не согласиться, и лишь самое последнее время всерьез добавляет в российскую действительность какие-то такие ноты, происхождение которых идентифицировать гораздо труднее и смысл которых мы пока совсем плохо понимаем.

К тому, что сказал Никита Струве, можно добавить расширение, что так было, пожалуй, и 50 лет назад во время «оттепельного» соревнования советского официоза и «шестидесятников» и начала правозащитно-диссидентского движения. Так было 25 лет назад во время горбачевской перестройки. Так оно остается и теперь. Поэтому при поверхностном взгляде многое из того, что происходит в сегодняшней России кажется до боли знакомым дежавю для того значительного слоя людей, который как давно-давно, так и сейчас живет «на зарплату» (в советское время таких было процентов девяносто пять, сейчас – процентов сорок, но тоже немало). Авторитарная власть с тоталитарными замашками, цепляющаяся за советскую стилистику и демонстрирующая поразительную устойчивость и одновременно крайне рискованную, не вмещающуюся в логику нелепость многих аспектов своего поведения, что выглядит не иначе как тесно связанным одно с другим. Емкая песенка Окуджавы «Римская империя времени упадка», которую он сочинил, кажется, в 1980 году при Брежневле, была актуальна и за двадцать лет до того при Хрущеве, и ощущается очень актуальной все последние двадцать лет, при Ельцине и при Путине - Медведеве. Вот-вот упадет, развалится, - но нет, назло всем пессимистам или недоброжелателям, - держится, других еще как пугает, а потом, если что и случится, то, - не обольщайтесь, оптимисты, любители небольшой свободы для всякого маленького человека – быстро восстановится, лишь частично видоизменившись. Есть в такой картинке что-то фатально-трагичное и одновременно ироническое, и настраивает она, хочешь-не хочешь, на несколько циничный лад. Но любой цинизм – это очень большой грех, поэтому попробуем разобраться в деталях и понять, в чем же особенность того, через что мы уже прошли, и того, через что идем теперь. Попробуем взвесить, в каких аспектах наша перспектива выхода из фатальной обще-

ственной болезни, скорее всего, уже полностью упущена, даже если четверть века назад она, возможно, существовала, а в каких аспектах эта перспектива все еще осталась, где и как можно пытаться ее восстановить, в чем вдруг, может быть, вырисовываются какие-то новые, пусть и очень зыбкие, шансы.

Итак, четверть века назад, на фоне безысходности начала 1980-х – советские войска в Афганистане, Сахаров в городе Горьком, политическое удушение польской «Солидарности», смерть и смена престарелых советских начальников, зачищенные «под корень» диссидентские кружки Самиздата, достаточно серьезные разговоры о военном противостоянии с Западом, сбитый южнокорейский лайнер – вдруг появляется очень-очень зыбкий горбачевский тренд, в котором «прочитывается»: что-то можно изменить. Скепсис огромен: непонятно – что, непонятно – как, «все прогнило», Горбачев авторитарен и дергается то туда, то сюда, считает, что ему все можно, и три года его правления вовсе не очевидно, что он вообще собирается что-то серьезно менять, несмотря на некоторые подвиги. Все время уходят из жизни или непоправимо теряют здоровье как раз те люди, чье участие в переменах было бы крайне необходимо. И все же есть ощущение, что ситуация не бессмысленная. Желание перемен и надежда на то, что ни невозможны, невзирая на всю глупость, гнилость и неустойчивость ситуации, – день за днем это настроение приобретает новых сторонников, завоевывает новые и новые пространства, попадает туда, где ему, казалось бы, совсем не место: в недра среднего звена партаппарата, в советские административные органы, суды и даже в КГБ и другие спецслужбы. Это настроение буквально меняет интонацию гула московских улиц. Насчет того, какие нужны перемены, уж точно нет общего взгляда на вещи, мнений множество, общество очень гетерогенно. Но неожиданно оказалось, что ретрограды, которые хотят только жесткости, больше не имеют монополии формировать реальность. Разобщенность людей между собой была велика, хотя, конечно, несопоставимо меньше той, которая воцарилась сейчас. И вот разные и разобщенные люди объединились в порыве «отчаянной надежды», стали подчас неожиданно сами для себя что-то предпринимать. Среда, воспитание подталкивали к этому людей, родившихся и выросших в СССР: наверное, прав был Георгий Федотов, когда заметил, что советская школа, при всех ее уродливых изъянах, распространила на всю страну как стандарт элементы старого дворянского либерального образо-

вания и воспитания. А еще было много стариков, успевших пожить до 1917 года (или хотя бы до конца двадцатых) и смутно хотевших дожидаться возвращения хотя бы слабых отблесков того быта и той культуральной среды, которую они потеряли.

Весьма скептическое отношение к Горбачеву не мешало почти панически бояться, что его вот-вот снимут «как Хрущева» и поставят на его место какого-нибудь серого и опасного деятеля, вроде известных тогда лидеров ленинградского обкома.

Когда в 1989 году прошли «на четверть свободные» горбачевские выборы на Съезд народных депутатов СССР и впервые после 1920-х годов на глазах у всей страны стакнулись в публичной полемике разные политические направления, то оказалось, что и властная корпорация, и оппозиция ей со стороны либеральных интеллектуалов, при всем недоверии друг к другу, взаимном непонимании логики и характера действий, странным образом исходят из примерно одной и той же общественной диспозиции, из намерения двигаться примерно в одну и ту же сторону, в одном и том же направлении, которое можно было бы – сейчас, задним числом – определить примерно таким лозунгом: « правда – справедливость – освобождение». Под таким пониманием целей общественного процесса, могли бы тогда подписаться, пускай и вкладывая весьма разный смысл в слова, и деятели с диссидентским прошлым, и представители советской гуманитарной среды, и тогдашние «хипстеры» - многочисленные советские научные работники и «инженерно-технические работники (ИТР)», сохранявшие мировую конкурентоспособность советской науки, энергетики и ВПК, и деятели партийно-государственной номенклатуры. Такое направление находило поддержку Московской патриархии, которая, невзирая на свои известные и неизвестные широкой общественности проблемы, пользовалась очень большим и многосторонним уважением и внутри СССР, и за его пределами за то, что сохраняла и проповедовала образ человеческого достоинства в условиях преследования, «пленения» и постоянной нависающей опасности на протяжении многих десятилетий.

Эмигрант 1980-го и «возвращенец» 1989-го Владимир Войнович в дни своего первого приезда в Москву после всего-навсего девятилетнего перерыва бросил фразу: «Я не ожидал, что здесь все так серьезно хотят свободы».

Пускай и по-разному, но очень многие хотели восстановления преемственности поколений, ощущали смысл подлинной культу-

ры, понимали невозможность заменять историю пропагандой. В этом была не программа какая-то, конечно, но некое общее конструктивное видение, которое не состояло в том, что просто власть «уже надоела», что «пусть кто-нибудь новый придет, неважно, кто», и т.д., что так распространено сейчас в «уличной оппозиции». Никто тогда не исходил из принципа «чем хуже, тем лучше», заявить что-то такое тогда было крайне плохим тоном. Это при том, что те, кто любил роль лидера толпы, не слишком заботились о повышении уровня политической культуры.

Отметим, к слову, - и это тема исторической заслуги Горбачева, Александра Яковлева – что в Восточной Европе повсюду, за исключением Польши и Венгрии, на фоне грандиозных перемен в СССР был полный застой. Помню, как сотни людей, собравшихся в начале 1989 года в московском Доме ученых на заседание политического клуба «Московская трибуна», голосовали за предложенную Леонидом Баткиным резолюцию с требованием к властям Чехословакии освободить из тюрьмы осужденного на 9 месяцев Вацлава Гавела. Казалось, неизбежно стояла ГДР, где посмеивались над советской перестройкой.

Горбачевская власть не допускала публичного восхваления Сталина. Когда влиятельная часть коммунистической номенклатуры опубликовала за подписью ленинградки Нины Андреевой сталинистский манифест под названием «Не могу поступиться принципами», Александр Яковлев от имени ЦК КПСС опубликовал в «Правде» ответ, представлявший собой безусловное отрицание сталинизма. Пропаганда Горбачевым «общечеловеческих ценностей», стоящих выше классовых и государственных, представляла собой кардинальную ревизию идеологии большевистского государства.

Советский Союз был в исключительной степени мультикультуральным государством, невзирая на идеологическую унификацию, а также осуществлявшуюся повсюду частичную русификацию. Запад Советского Союза социокультурно тяготел к центральной Европе, и это очень сильно влияло на общественную диспозицию при малейшем ослаблении идеологического «корсета». При том, что жители балтийских республик или западной Украины в своем большинстве, наверное, были не в большей степени чужды советского конформизма, чем, скажем, жители центральной России, тем не менее, у них была на уровне массового сознания некая «европейская мантра», которая в России или других территориях СССР, естественно, наблюдалась

меньше. (Кстати, в структуре Советского Союза с самого начала была заложена несообразность, когда Российская Федерация считалась главной среди всех республик и во многом политически тождественной самому Союзу, но при этом не имела тех многих полудекоративных политических институтов, которые были в других советских республиках и формировали там местные элиты и номенклатуры. Это, с одной стороны, делало саму структуру Союза внутренне неустойчивой, держащейся на государственной идеологии и силе вождей, а, с другой стороны, вело к тому, что путь к преодолению политической косности в именно в России выглядит столь трудным и малоперспективным.)

На фоне порыва надежды и страха перед откатом в прошлое – «номенклатурным реваншем» - на многие тревожные детали не хотелось обращать пристального внимания. А одним из таких опасных обстоятельств в среде либеральной оппозиции был триумфализм. Лидеры толпы повышали внимание к себе и свое влияние в своей среде тем, что вынуждали многих относиться с завышенным уважением к внешним успехам отдельно взятых акций, принимать их за успехи процесса в целом, что, разумеется, на самом деле далеко не всегда соотносилось. Многое из этого как будто прямо перескочило из той эпохи в сегодняшний день, безо всяких извлеченных уроков. Тогда казалось, что такая подмена понятий успеха не имеет большого значения, так как уровень общей культуры и гражданской ответственности общественно-активной среды возьмет свое, и «событийный карьеризм» останется неприятным побочным фактором становления и формирования гражданского общества. Позже выяснилась наивность таких ожиданий.

Не могу не отметить еще несколько аспектов, формировавших как оппозиционную деятельность, так и движение всего советского общества в то время.

Среда коммуникации была лишена коммуникационной технологии, а значит, поддерживалась за счет того, что люди (относительно) соответствовали сами себе, над ними не довлела виртуальная составляющая, и что поддержание среды было постоянным трудом, напряжением, ответственностью людей друг перед другом. Это относилось не только к жизни и деятельности в стране, но и в определенной степени к контактам, выходящим за ее пределы. Люди представляли собой людей, а уже потом – фигуры всякого рода.

Советская экономическая система была построена таким образом, что человек боялся прямых репрессий, тюрьмы, железобетонных ограничений в рабочей карьере, но он не мог быть лишен куска хлеба, минимальной зарплаты и пенсии, на которые можно было выживать, минимальной медицинской помощи.

Зарубежье, и прежде всего «капиталистический Запад», невзирая на многие свои изъяны, обладали множеством очевидных преимуществ перед советской системой, и эти преимущества носили не столько функциональный, сколько нравственный характер. Запад выглядел христианским, в противовес атеистическому и секулярному СССР. (Несмотря на хиппи и Париж-1968, стабильным социокультурным явлением была консервативно-либеральная послевоенная Западная Европа, где не было евтаназии, никто не говорил об «однополых браках» и не были видны признаки деградации промышленного производства.) За рубежом жили те русские, которые открыто противопоставляли себя большевизму. К христианскому зарубежью в его многообразии, а отнюдь не к квасному патриотизму, во многом тяготела Патриархия.

Революция, которая случилась четверть века назад, была революцией слова, победой живого слова (в каком контексте ни берите), вербальности, вербального общения над казенными знаками и символами. Слово, - честное, богатое, искреннее, противостояло казенной лжи. Русское слово (литовское, украинское, киргизское) победило советские «мемы». Если угодно, деятели здесь были второстепенны. Внешним отражением значения вербальности было признание всеми («консенсусом») значения образования, в каком-то смысле иррационально-культовое отношение к образованию в тот момент, признание его «сертификатом годности» в любой сфере деятельности.

И еще, соответственно, это была, пускай и очень зыбкая, победа саморефлексии, попытки понять сложное, над упрощенчеством коммунистического проекта и большевистской модели поведения.

При этом Советский Союз представлял собой для человечества исторический вызов такого масштаба, что любые процессы, которые в нем шли, любые изменения и преобразования приковывали к себе самое пристальное внимание, а почти ни один активный участник этих процессов не мог остаться незамеченным, «не выслушанным» с его даже самой нелепой политико-философской позицией. Говоря сегодняшним языком, полити-

ческий бонус, который Советский Союз, его деятели и граждане получали за преобразования, был, если не огромен, то очень значителен. При этом – кстати – разрушать СССР извне никто активно не стремился. Такого сценария скорее боялись. Советский Союз и его партийное руководство в ответ на преобразования становиться активными участниками «конвергированных» общеевропейских и мировых процессов. По крайней мере, именно так казалось. «Парижская хартия для новой Европы» 1990 года провозглашала интеграцию Советского Союза в западный мир, но уж точно не распад СССР, а отношение западного мира к сепаратизму в СССР в лице, прежде всего, балтийских республик, было более, чем сдержанным.

Но пошло все совсем иначе. Ни советское руководство и общество, ни Запад не выдержали испытания сложностью того нового вызова, который, как оказалось, представляло собой падение мировой коммунистической системы. Неофитство молодых советских марксистов, быстренько переодевшихся в ультралибералов, не имело ничего общего с христианскими корнями послевоенной западной культуры.

Увлечение картинкой политической интриги на рубеже 1980-х – 90-х годов привело к тому, что все, что стало касаться конкретных вопросов, за которые неизбежно надо было брать кому-то полномочия и ответственность, очень многое из области политического, экономического, управленческого «ремесла» перескочило в руки мелких безответственных дельцов, носителей дяляческой «культуры» мысли и поведения. И массовые протестные настроения против советской номенклатуры быстро сменились ощущением, что «демократы могут только все развалить», что новые люди ничего не могут создать, а новая номенклатура взяла много плохого от старой и не привнесла ничего хорошего, а лишь добавила цинизм и дялячество.

В конце 1980-х – начале 1990-х казалось, что у всех сторонников перемен на пространстве Советского Союза, при всем том, насколько разные это люди, есть общая более или менее одинаково ощущаемая стратегическая цель: превратить все это пространство в новый Восток Европы, идущий путем конвергенции с Западом, с которым они взаимно дополняют друг друга. Правда, некоторые наблюдатели уже тогда предупреждали: у тех и тех своя игра, но как-то не хотелось этому верить. Каково же было разочарование, когда оказалось, что все обстоит именно

так или почти так. Команда Геннадия Бурбулиса – Егора Гайдара выбрала странный путь отдельного от всех развития России при курсе на ее политическое и силовое доминирование в СНГ, что привело к очень быстрой эрозии всякой демократии и только-только нарождавшейся культуры права в России, а страны Балтии, вопреки всем ожиданиям «демократической солидарности», повели себя как политические единицы, в удачно пришедший момент решившие свои проблемы «деколонизации», поставившие жирную точку на «оккупационном прошлом» и снявшие с себя всякую ответственность за что-либо, выходящее за эти нравственно и исторически узкие рамки.

Политические решения обусловили общеизвестную цепь масштабных кровавых событий, сделавших насилие с участием государства частью повседневности и перечеркнувших надежды на преодоление правового нигилизма. Это рисует весьма мрачную перспективу: построить что-либо позитивное и долгосрочное на нераскаянной крови никому не удавалось. Речь не о демократии или еще каких-то инструментах. Просто, если столько крови пролито, и государственная власть не только не склонна ставить это себе и всем нам в вину, но скорее склонна ставить в заслугу, то это – не фундамент для здания. И, пока это так, ничего стратегически прочного и масштабного создать не удастся. (Впрочем, это не освобождает от ответственности хотя бы фрагментарного созидания.)

В связи со сказанным не могу не отметить, что Конституция 1993 года, не просто фактически подтверждающая традиционно очень большие для России полномочия первого лица, но формально наделяющая Президента исключительным лидерским «могуществом» усилила тенденции атомизации практически всех существующих в обществе сред и субкультур, больших и малых, и их ориентированность не на институциональный базис, а на своих персональных лидеров, усилила ставшую доходить порой до абсурда «лидероориентированность» СМИ, которым стало необходимо от того или иного сообщества почти всегда иметь в качестве представителя именно первое лицо, «начальство», должность. У политики одна из самых существенных функций – педагогическая: дать главное «послание». Это была очень плохая педагогика и очень опасное «послание».

Могу высказать мое наблюдение, что в российской политической элите еще со времени противостояния Ельцина Горбаче-

ву легко находили себе место национализм и провинциальный изоляционизм. Когда Горбачев в 1991 году выступил союзником США по вопросу об Ираке, российский «ельцинский» Съезд народных депутатов отказался его в этом поддержать. Противники Горбачева также были очень «тверды» также в вопросе российского суверенитета над Южными Курилами.

После распада СССР на гламурной витрине основой российской политики стал безбрежный либерализм, но «со двора» с самого начала ощущался отталкивающий привкус политического хамства, неуклюжей провинциальной «державности» и милитаризма. Новая российская номенклатура уже тогда была численно непропорционально раздута, а в основу ее деятельности была положена бессмысленная и формальная исполнительность. Уже тогда сложился прочный союз «либералов»-технократов с милитаристами и «державниками» из числа реакционной части старого советского чиновничества. В этом смысле силовая, стоившая множества жертв победа Ельцина над вышедшим из-под его контроля Верховным Советом в октябре 1993 года, при том, что в практическом плане она означала победу круга людей, которые были способны как-то руководить страной над тем кругом, который был на это не способен в принципе, в мировоззренческом плане означала скорее победу более сильного военно-политического клана над более слабым, нежели торжество каких-то одних идей над другими.

Вырос сначала ельцинский пост-сталинизм, потом, укрепляя и усиливая его тенденции, возник «феномен Путина», квази-идеология и практика «путинизма». Смысл и того, и другого явления (у второго это проявляется более отчетливо и последовательно) состоит в эксплуатации в самом примитивном, «ходячем» виде идеи самодостаточности России как особого по отношению ко всему остальному миру социокультурного феномена и приписывании российскому государству (не нации) особых свойств и функций, отличных от свойств и функций других государств. При этом государство отождествляется с властью предрешающими, чья каста наделяется особыми полномочиями трактовать и интерпретировать по своему усмотрению все стороны действительности, от вопросов текущей политики и экономики до истории, нужным образом связывая их между собой. Смысл лояльности граждан сводится при этом к внешнему исполнению предписаний правящей касты, невзирая на их возможную нелепость и противоречивость.

Что же мы имеем сейчас? Прежде всего, в качестве реакции на постоянные к месту и не к месту сопоставления и сравнения с разными этапами советской эпохи и на прогнозы, построенные на аналогиях с далеким прошлым, хочется сказать, что мы имеем эффект «остановившегося времени». Шестьдесят лет после Сталина, двадцать с лишним лет после СССР – это исторические промежутки. Это промежутки не политического масштаба, а исторического, когда не просто лидеры меняются, властные элиты, системы, но меняются поколения. И в этом плане почти всеобщее ощущение аналогии, постоянное воспоминание тех или иных этапов советского прошлого, постоянный рефлекс сопоставления так, как будто давно ушедшая эпоха закончилась только что, год назад, а то и просто вчера, - все это свидетельствует о какой-то особой ущербности, пустоте прожитого за более, чем двадцать лет, времени и о примитивизации хода мысли на фоне грандиозных политических, технологических и культуральных перемен. Еще – как ни банально это прозвучит – постоянные к месту и не к месту аналогии свидетельствуют о пронзительной силе того хамства, «ноу-хау» которого были действительно внедрены «сталинскими соколами» и передаются в номенклатуре из поколения в поколение помимо идеологии, схемы государственных границ, экономической модели и маршрута технического прогресса. Проблема сегодняшнего дня в том, что хамство перестало быть монополией правящей номенклатуры, а культура и интеллигентская гражданственность – признаком оппозиционности на уровне личности. Хамство в его прежде сформированных «ноу-хау» довольно успешно диверсифицировалось в социальные среды, совершенно по-разному позиционирующие себя по отношению к власти и ее номенклатуре. Жлобство и пошлость не просто существуют, они стали предметом гордости, своеобразным критерием уже достигнутого или будущего успеха. Торжествует подход «среди волков жить – по-волчьи выть», и этот подход принципиально антикультурален и антикреативен. Он не может создать ничего нового, даже если открываются совершенно новые витрины, совершенно по-новому организуется планировка квартир, а технический прогресс и потребительский бум поражают своей умопомрачительностью.

Общество делится на почти не взаимодействующие между собой, даже почти не пересекающиеся субкультуры, которые, в свою очередь, дальше дробятся. Межличностные отношения сменяются деловыми отношениями «по поводу». Это удобная ситуация, чтобы внедрять в массовое сознание очень примитив-

ные позиции по общественным и государственным вопросам, позволяющие гражданам снимать с себя личную за них ответственность, или же, наоборот, воспринимать эту ответственность в крайних, подчас очень своеобразных и причудливых категориях.

Оппозиция в этих обстоятельствах понимается двояко, совершенно по-разному. Одно понимание – это приверженность идее изменить характер государства на более свободный, креативный, активно связанный с окружающим миром. Другое – это просто сменить правящую касту, или, того проще, начальника в уже существующей, «переприсягнуть» от Путина кому-то другому. И этот последний вариант весьма сомнителен, а если он рассматривается как тактический, не предполагает пересмотра всей сложившейся политической культуры, то и вовсе бесплоден.

Изменение траектории российской государственности в новых условиях таким образом, чтобы эта государственность сохранилась и, отказавшись от изоляционизма, лозунгов осажденной крепости, стала креативной частью Европы – вот в чем состоит задача сегодняшних ответственно мыслящих людей. С рациональной точки зрения задача неподъемная, поэтому придется готовить очередное историческое чудо.

Советская власть утверждала идеологически, что она навсегда. И ее практика была такова, что и внутри СССР, и вовне было мало оснований сомневаться, что ей отведен если не исторически безграничный, то очень длинный период существования, - длиннее, чем семьдесят лет. Но динамизм реальности, на перекрестке трагизма и оптимизма, взял свое, - столетий не получилось.

Путин и его номенклатура отличаются от советской власти уже тем, что, что не претендуют на бесконечную длительность. И не стоит быть непоседливыми которым хочется все поскорее, пускай и анекдотично.

Путин и его близкие никогда не говорят, что они не уйдут. Уйдут. И как сделать так, чтобы не стало еще хуже? Ведь надо готовить мирное многовекторное развитие событий, при котором будет реализовано следующее: 1) относительный консенсус по исторической оценке деятельности Путина, включающий в себя существенно негативные моменты; 2) при этом – преемственность, недопустимость «охоты на ведьм» и сведения личных счетов; 3) институционализацию с целью недопущения нового

витка какого-нибудь еще одного «постбольшевизма»; 4) наконец – просто недопущение развала страны с формированием провинциально-террористических региональных режимов.

Самое главное – восстановить даже не демократию в смысле выборов и т.д., а общество в плане мирного взаимодействия разных субкультур, способных слышать друг друга. Критически важно восстановить публичность политики и обратную связь властной корпорации (одной из субкультур) со «всеми остальными», упразднить диктатуру, т.е. сделать невозможным продавливание закулисно принятых никому не объясненных решений, имеющее целью постоянное доказательство – любой ценой – несправедливой мощи и незыблемости властной корпорации. Если Путин или его последователи, с одной стороны, и популистская оппозиция – с другой, будут слишком долго соревноваться в «продавливании» всего того, что они умудряются придумать с целью самоутверждения, это обернется или полноценным фашизмом, или полноценным бунтом. Необходимо сделать все, чтобы избежать и той, и другой катастрофы.

Протесты, если представить себе, что именно от них придет политический результат, могут привести к демократическим сдвигам внешне революционного характера, но реально, в глубине, не дать никакого результата или дать отрицательный. Они могут повернуть политическое колесо в сторону свободных по процедуре выборов и даже к принятию институциональных правил, но они – протесты – не могут создать гражданское общество, не могут породить социальную динамику с ее постоянно открывающимися возможностями и соответственной ответственностью и мирный диалог граждан и общественных групп. Протесты не могут сформировать представление о партнерстве власти и общества, шире – о социальном партнерстве. Уступки авторитарной власти протестам и эволюция в сторону гражданского общества, которое единственно может обеспечить стабильность – это вовсе не одно и то же.

А это очень трудно. Это было трудно осознать и реализовать в начале XX века, это трудно понять реализовать сейчас. «Социальная кантонизация», антикоммуникативность, личная и групповая охранительность, приводящая к вспышкам плохо предсказуемой агрессии сейчас вырисовывается как наложение русской традиции выживания в экстремальных условиях на мировой глобализационный тренд, укрепляющий стабильность

внутри «мировых каст» и одновременно очень затрудняющий межкастовые переходы, социальную динамику, - и это на фоне внешнего развития коммуникации как технологии, сетей и т.д.

Отсутствие возможности и плана решать проблему в целом не освобождает от ответственности за поиск хотя фрагментов решения. При этом никто не отменял необходимость указывать на то, чего делать не следует. Отрицание неверных подходов в сочетании с позитивно-фрагментарными прецедентами может опытным путем вывести на верную дорогу. Именно так, потому что становление общества, как и становление личности, происходит опытным путем, хотя неверно проводить параллели между тем и другим опытом.

Ответственная оппозиция должна досконально знать, что именно происходит в стране. Она должна в этом плане постоянно «тренировать себя». Она должна, невзирая на отказ власти от конструктивного диалога, постоянно вносить предложения по всему спектру актуальных проблем. Она должна быть готова к тому, чтобы взять на себя ответственность и бремя власти согласно закону. Оппозиция не имеет морального права быть новой итерацией большевизма, ждущей момент сбросить надоедающего многоликому большинству хозяина с тем, чтобы поставить нового и потом по ходу решать, что надо делать там и сям.

Смысл понятия русской либеральной интеллигенции, такой, какой она сформировалась перед 1917 годом, был в том, чтобы в дисциплинированной работе над собой искать пути преобразования общества, и это, разумеется, имеет мало отношения к тому, чтобы быть «эксперным сообществом», или же протестной толпой, или же, тем более, оборачиваться говорящими головами мизантропических индивидуалистов, радующихся творчеством сделанной гадости.

Нет «особого пути» для наций и народов. Но в условиях жизни, традициях, историческом опыте каждой нации есть свои особенности, положительные или отрицательные, развивая которые, она может достигать важных результатов для себя и для окружающего мира, или же, наоборот, впадать в опасные провалы, распространять «негативную ауру». Если в чем российская традиция, культура воспитания личности и формирования общества и достигли очень значимых рубежей к началу XX века, так это в таком не столь заметном поверхностным взглядом, но критически важном элементе жизни, как саморефлексия, личная и общественная. Даже край-

ность в виде образа Обломова выглядит в этом плане скорее положительно, нежели разрушительно: лучше, когда саморефлексии слишком много, чем когда ее мало или нет вообще. Саморефлексия была жизненно необходима в самом практическом плане: огромные пространства, полиэтничный, многоконфессиональный и разноязыкий состав населения... Если ты что-то решаешь сам за себя, а тем более за других, то ты обязан размышлять, размышлять, размышлять... Если в России нет саморефлексии, то на ее месте воцаряется хамство.

И культура саморефлексии гибнет сначала в 1917 году и на гражданской войне, потом при голоде и коллективизации, потом при большом терроре 1937-го, потом при шовинистической сталинской политике конца 1940-х – начала 1950-х.

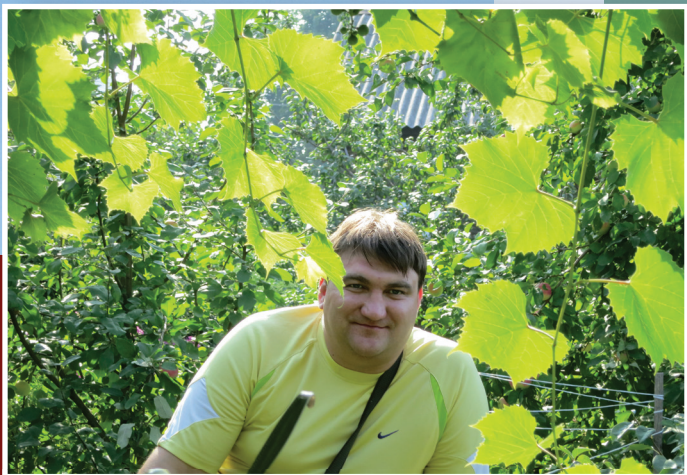
После Сталина не было количественно столько жертв, но процесс продолжался, и тоже были в этом плане свои «сигнальные» этапы: после ввода войск в Чехословакию в 1968-м и после Афганистана в 1979-м.

Затем, где-то с 1986 года, наступил как бы перерыв в большевизме, и с огромным опозданием, при невозвратности и невозполнимости потерь, дух саморефлексии, размышления над собой, вернулся в ткань жизни.

Но затем наступил 1993-й, разрушительное противостояние Ельцина и парламента, а потом сразу война в Чечне, гламурно-беззаконная приватизация и формирование сословия олигархов. Потом Путин, его борьбы с терроризмом, сведение всего к простым формулам ручного управления, потом...

Потом опять Путин... А тут еще и конкурирующие «двойники» завелись...

Как граждане будут размышлять над собой, работать над собой? Как страна может работать над собой, будучи разрушенной в своем самом главном объединяющем элементе – традиции сложного мышления и поиска сложных решений? Только если удастся найти остатки этой объединяющей «ткани», начать ее восстанавливать, только в этом случае Россия имеет шанс выжить как общность и двигаться вперед.

www.yabloko.ru